

Краеведческим отделом окружной библиотеки собран, обобщен и издан ценнейший материал «Вторых Кецаевских чтений», обобщаются и готовятся, пусть в небольших экземплярах, материалы третьих.

85-летний юбилей Кецай – это особая страница нашей культуры, нашей жизни. Это и новая глава в моей книге.

А тут опять выборы. Придет ли снова такой, кому не безразлична судьба культуры, литературы и искусства Корякии?

Кецаю – 85! Чем дальше уходят годы, тем звонче нам слышится клекот Лебеда. И пока мы живем, ты будешь в сердцах наших Кеччай – Лебедушка наш, Кецай – Большой Лебедь.

Т. А. Голованева, Н. А. Непомнящих, И. С. Полторацкий **Версии гибели Кецай Кеккетына**

Справедливо сказал корякский писатель Владимир Коянто: последние годы жизни Кецай Кеккетына окутаны «таинством». Более того, у нас до сих пор нет официальных документов, на основании которых с уверенностью можно было бы сказать, когда и где оборвался жизненный путь Кецай Кеккетына, первого корякского писателя.

В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга есть официальные документы, подтверждающие, что по окончании III курса Ленинградского института народов Севера им. П. Г. Смиловича при ГУСМП¹ Кецай Кеккетын направлен в годичный отпуск на родину. Запись в личном деле студента ИНС Кецай Кеккетына о начале отпуска: «Отпуск с 14 /V-36 г. по 1/IX-37 г.» [6].

Из статьи Т. М. Хелол² мы узнаём, что 20 сентября 1936 г. Кецай Кеккетын принят «на должность инструктора Отдела народного образования Исполнительного комитета Корякского национального округа» [66. С. 2]. В декабре 1936 г. Кецай Кеккетын, инструктор по ликбезу, направлен «в командировку по Пенжинскому району, где он работает в окружной комиссии по составлению нового корякского алфавита», об этом сообщает в своей статье Т. М. Хелол [Там же].

Сотрудники Государственного архива Камчатского края подготовили папку с ксерокопиями официальных документов о жизни Кецай после 1936 г. Перечислим некоторые из них:

1) протокол заседания членов Пленума Корякского окружного комитета ВЛКСМ от 15 апреля 1938 г., с пометкой «Сов. секретно». Согласно протоколу, «единогласно утверждается Зав. Отделом Политучебы ОК ВЛКСМ тов. Кецай К.»³ [67].

2) отчет «Работа Паланских первичных организаций ВЛКСМ» от 27 августа 1938 г. На документе указана официальная должность Кецай на тот момент: «И. О. секретарь ОК ВЛКСМ Кецай» и имеется его подпись [68].

3) телеграмма от Винокурова и Кутейникова в Паланский Окружной комитет молодежи на имя Кецай от 13 сентября 1938 г. [69];

4) анкета арестованного Кеккета Мейнувье от 14 сентября 1938 г. В графе 17 «Состав семьи» читаем: «Жен – 2. Первая: Екак Кицаевна¹ и вторая: <...> Риткитав² Сыновья:

¹ ГУСМП – Главное управление Северного морского пути.

² Татьяна Мироновна Хелол – консультант Агентства по делам архивов Камчатского края.

³ Материалы [66, 67, 68, 69, 70] подготовлены сотрудниками Государственного архива Камчатского края.

Мейнувье Кекетович учится в гор. Петропавловске в Совпартшколе и Кецай Кекетович – Секретарь Корякского Округкома ВЛКСМ в с. Палане» [70. Л. 17^{об}];

5) протокол закрытого судебного заседания Тигильского районного суда Корякского национального округа Камчатской области от 2 сентября 1940 г. Обвиняемые: Кеккет Мейнувич (1889 г. р.), Кечентакий Аппалевич (1888 г. р.), Кочелкот Аппалевич (1888 г. р.). В документе зафиксирован ответ Кеккета Мейнувье о судьбе его сыновей: «Сын мой Менувье в 1938 году учился в Петропавловске в Совпартшколе. Сын Кецай судился за недостачу государственных средств и сейчас находится в заключении» [71. Л. 86]. Ответ Кеккета Мейнувье, отца Кецай Кеккетына, отраженный в протоколе судебного заседания Тигильского районного суда от 2 сентября 1940 г., – последнее свидетельство о жизни Кецай Кеккетына.

Все сообщения о дальнейшей жизни первого корякского писателя базируются на воспоминаниях его современников, но документально не подтверждены. Домысливание судьбы первого корякского писателя изобилует противоречащими друг другу фактами. Отсутствие документов порождает множество разных гипотез. Попробуем проследить, на основе чего появились эти гипотезы.

В сборнике текстов «Творчество народов Дальнего Востока», изданном в 1958 г., опубликована биография писателя К. Кеккетына. В этом издании в небольшой заметке о гибели первого корякского писателя сказано в самых общих чертах: «Кроме того, Кецай написал «Книгу для чтения» для национальной школы и перевел на родной язык несколько произведений А. С. Пушкина и А. П. Чехова. Преждевременная смерть оборвала жизнь писателя в самом расцвете его творческих сил» [72. С. 62]. Обратим внимание: в издании 1958 г. не указана причина смерти Кецай Кеккетына.

Гипотеза о ранении и гибели Кецай Кеккетына во время Великой Отечественной войны впервые появилась на страницах газеты «Корякский коммунист» в 1963 году. Журналисты газеты обратились с вопросами о судьбе писателя к его старшему брату Миرونу Мейнувье. Он представил общественности информацию, с одной стороны, героическую, а с другой – трудно проверяемую: «Работу его [Кецай] прерывает война. В 1941 г. его направляют в военное училище. Затем – бои. Короткие письма домой. И наконец – последнее письмо из госпиталя после ранения под Курском» [73].

С этого момента версия о гибели рядового Кецай Кеккетына на полях сражений Великой Отечественной войны становится официальной. В библиографическом справочнике, изданном в 1966 г., через 3 года после опубликования интервью с Мироном Мейнувье, в биографической заметке о Кецае Кеккетыне версия брата уже представлена как бесспорный факт, более того, она дополняется подробностями: «В 1941 году Кеккетына направляют в военное училище, а затем – на фронт. Во время сражения на Орловско-Курской дуге он был тяжело ранен и скончался в госпитале» [51].

Интересно, что в 1984 году, через 20 лет после своего первого интервью о судьбе брата, Мирон Мейнувье уже не уточняет место последних боёв Кецай: «В 1940 г. Кецай всё же смог поехать доучиваться в Ленинград³. Больше мы его не видели. Жил вновь напряжённой жизнью, писал письма редко. В войну, когда враг подступил к Ленинграду, вместе с другими студентами добровольцем ушёл на фронт. Последнее письмо от него было, помнится, в

¹ При передаче имен собственных сохранена орфография документа.

² Почерк неразборчив.

³ Версия Мирона Мейнувье не подтверждена документами.

августе 1943 года. Писал, что долечивается после ранения и там снова на фронт. Больше вестей от нашего Кеца я мы не получали» [57]. Однако опять никаких документов Мирон Мейнувье в подтверждение своих слов не привёл.

По логике развития сюжета исторического предания, документально не подтвержденная версия гибели Кеца обрастает новыми подробностями: «В 1941 году Кеца отправляют в военное училище, а затем – на фронт. Во время сражения на Орловско-Курской дуге он был тяжело ранен и скончался в госпитале в 1943 году. Последнее письмо Кеца семье пришло из Алма-Аты весной 1942 года, где он сообщил, что уходит на фронт...» [74]. И опять же, никаких официальных документов, подтверждающих новую версию.

Не только региональные, но и центральные книжные издательства принимают заявление родного брата писателя за достоверный факт. В московском издательстве «Советский писатель» в 1978 г. огромным тиражом (30 тысяч экземпляров) вышла книга: «Сияние Севера: Сборник рассказов народов Севера», в которой гибель Кеца Кеккетына изображается на полях сражений: «В годы Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт. Мужественно сражался в боях за Родину на Курской дуге, был ранен и скончался в одном из госпиталей Курска» [99. С. 117]. Составители сборника опирались на заявления брата Кеца Кеккетына, а также на данные библиографического справочника 1966 г. Правдивость этой версии была подвергнута сомнению только после крушения советской идеологии в начале 2000-х гг.

В 2003 г. во время Третьих Кецаевских чтений Л. Г. Хамидулина, методист по регионоведению Окружного Института усовершенствования учителей, представила в своём докладе расшифровку телефонного интервью со Светланой Кававтагиновой Поповой, педагогом из с. Воямполки. В интервью землячка Кеца Кеккетына говорит о том, что Кецай «погиб, защищая Ленинград» [75. С. 22].

В этом же сборнике докладов Третьих Кецаевских чтений в сообщении писателя Владимира Владимировича Коянто (Косыгина) приводится фрагмент беседы с другой жительницей с. Воямполки, Валентиной Вувовой Заевой. Её версия гибели Кеца Кеккетына несколько иная:

Корр.: Валентина Вувовна, его [Кеца Кеккетына] арестовали в 40-м году?

Заева: В 40-м году перед войной.

Корр.: И когда он написал кассацию в Верховный Совет...

Заева: Его отпустили сразу же, потому что Стебницкий помог ему. Тогда война началась, и его направили на войну. Только я знаю: когда его жена получила радиogramму о том, что он находится в Алма-Ате в госпитале. Ещё он писал, что будет на войне.

Корр.: А его взяли на фронт или он ушёл на фронт с Магадана? Его же туда направили, когда арестовали.

Заева: Да. Сначала с Воямполки в Палану, затем в город, как всех возили, а потом в Магадан. А с Магадана он уже в Москву, там, где военные собирались» [76. С. 33].

Благодаря интервью с Валентиной Вувовой Заевой в 1998 г. во время Вторых Кецаевских чтений впервые открыто прозвучала версия, что Кецай Кеккетын был арестован. В. В. Косыгин вернулся к этой версии в 2003 году, во время проведения Третьих Кецаевских чтений: «Много слухов было, что Кецай арестован. Мы запросили наш Суд Корякского автономного округа, нам ответили: материалами, к сожалению, не располагаем, все уголовные дела тех лет отсылались вместе с арестованными, в суде осталась только статкарточка, что К. Кеккетын арестован к 5 годам лишения свободы за недостачу в Акторге» [Там же].

Заведующая экскурсионным отделением Корякского окружного краеведческого музея В. В. Сычевская честно говорит об отсутствии документальных материалов о жизни Кецай Кеккетына в фондах паланского музея: «Архив окружного музея имеет очень мало материала о писателе, собирательная деятельность не дала каких-то новых дополнительных данных о нём. На сегодняшний день (2003 г.) есть фотокопия автобиографии Кецай Кеккетына, запросы и справки-ответы о местонахождении Кецай в военные годы, вырезки из газет, фотокопия рисунка-портрета, воспоминания Мирона Кеккетовича Мейнувье, брата писателя, и некоторые другие документы» [77. С. 29]. В докладе В. В. Сычевской в 2003 году прозвучал официальный ответ, полученный из Государственного архива Курской области, на запрос Ю. Баженова, заведующего окружным музеем, о судьбе военнослужащего Кецай Кеккетына: «в просмотренных именных списках на военнослужащих и партизан Отечественной войны, погибших в боях и умерших от ран и захороненных на территории Курского района и Ленинского района нет имени Кецай Кеккетына» [Там же. С. 30].

Отсутствие документов порождает множество версий и желание в них разобраться. Владимир Владимирович Косыгин, известный камчатский писатель, неоднократно задавался этим вопросом: «Детство, тигильская школа, Ленинград до мая 1936 года, Обводный канал, 7, Институт народов Севера, откуда он [Кецай Кеккетын] сделал первый шаг в большую литературу – всё это в какой-то мере изучено и понятно. А дальше жизненный путь первого корякского писателя мало изучен, и можно больше сказать: покрыт каким-то “таинством”» [64. С. 50].

Ощущением трагической тайны гибели Кецай Кеккетына проникнуты размышления литературоведа В. В. Огрызко: «Теперь об одной загадке. Я до сих пор не могу понять, почему повесть «Хоялхот» была напечатана в 1939 году в Ленинграде без имени автора. Вместо фамилии писателя издатели на обложке книги и титуле указали лишь инициалы: *Х. К.*

Судя по всему, Кецай Кеккетын успел к моменту сдачи повести «Хоялхот» в набор попасть в опалу. Возможно, власть заподозрила его в недостаточной лояльности. Наверное, ей не понравилось, что писатель частенько делал акцент на бытовую сторону жизни кочевников и недостаточно рьяно обличал противников коллективизации. Доподлинно известно, что ещё до войны чекисты арестовали отца Кецай Кеккетына и друга писателя – Кечгинтакъява, которых корякские оленеводы больше уже никогда не увидели» [78. С. 11].

В 2018 г. сотрудниками Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук был подан запрос о Кецае Кеккетыне, направленный в Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, откуда пришел официальный ответ о том, что: «в картотеках учета офицерского состава, безвозвратных потерь офицерского состава, персонального учета награжденных, в документах учета безвозвратных потерь сержантов и солдат Красной армии за период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Кецай (Кеччай) Кеккетын (Мейнувье), 1918 года рождения не значится» [79]. Таким образом, на данный момент (июнь 2018 г.) официальных документов, подтверждающих участие Кецай Кеккетына в сражениях на полях Великой Отечественной войны, нет. Неизвестны дата, место и причина его гибели. Информация о Кецае Кеккетыне, размещенная в «Книге памяти», составлена только на основе рассказов брата писателя и воспоминаний его земляков.